

ОТ РЕДАКЦИИ

Термин «прагмалингвистика»¹ используется достаточно широко и имеет уже сравнительно давнюю традицию, однако его понимание все еще остается достаточно разнородным. Если основываться на данных Оксфордского словаря, он впервые появился в (Althaus, Henne, 1971), где авторы, исходя из различных аспектов реализации языка посредством социально значимых действий и коммуникации, предложили разграничить в лингвистике три новых направления: психолингвистику, социолингвистику и прагмалингвистику. Авторы исходили из хомскианского разграничения компетенции и перформации, но парадоксальным образом никак не упоминали исследования, уже интенсивно развивавшиеся в свете теории речевых актов и импликатур, причем даже саму статью Чарльза Морриса.

Как это часто бывает, дальнейшее развитие прагмалингвистики шло в направлении, радикально отличавшемся от того, которое предполагали создатели термина. Как известно, в семиотике понятие прагматики развивается после выделения ее в особый аспект семиозиса и, соответственно, отдельную ветвь семиотических исследований. Что касается лингвистики, то ее сосредоточенность на изучении языка как системы предполагала, что ее объект — это синтактика, взаимоотношения знаков внутри системы, а не взаимодействие субъекта и знаковой системы между собой. В философии языка огромный потенциал прагматики был раскрыт в работах Людвиг Витгенштейна последнего периода. Хотя он и не употреблял термина «прагматика» в моррисовском смысле, его подход к значению как употреблению послужил основой для развития теории речевых актов и перформативов. Но и в этом случае роль лингвистики оставалась неясной: традиционный подход к языку как системе плохо согласовывался с описанием его как инструмента для исполнения внелингвистических — социальных — функций.

Вместе с тем развиваемые в русле философии языка и логического анализа языка теории (речевых актов, перформативов, импликатур, прагматических пресуппозиций) настоятельно требовали анализа лингвистических форм их осуществления. Важной вехой было предложенное в (Leech, 1983) разграничение между прагмалингвистикой и социопрагматикой. Предполагалось, что прагмалингвистика ориентирована на грамматику и изучает ресурсы, которые данный язык предоставляет для передачи прагматического значения, в то время как социопрагматика ориентирована на социологию и связывает прагматическое значение с социальной иерархией интерлокуторов, социальными правилами и нормами языкового сообщества, дискурсивными практиками и формами приемлемого речевого поведения (Marmaridou, 2011).

¹ В российской и в следующей в ее русле лингвистике можно встретить также термин «лингвапрагматика».

Впрочем, это методологическое различие при всей его, казалось бы, очевидности, оказывается весьма трудно соблести. При этом выяснилась и невозможность каким-либо образом сузить границы прагмалингвистики: она активно вбирает методы и результаты, достигнутые в риторике, стилистике, теории текста и дискурса. Особую востребованность прагмалингвистическим исследованиям придают исследования процессов функционирования языка в коммуникативных контекстах, что позволяет перейти к решению актуальных задач (массовая коммуникация, *public relations*, медиа, речевой этикет, критический дискурс и т. д.).

Начиная с 1970-х годов появляются монографии: это не потерявшая актуальности (*Pragmalinguistics*, 1979; переиздана в 2017) и важная для понимания развития прагмалингвистики в социалистических странах того времени (Prucha, 1983). Вместе с тем возникают новые задачи. Им, в частности, посвящена недавно вышедшая в авторитетной серии *Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology* в издательстве Springer коллективная монография (New frontiers..., 2024), свидетельствующая об актуальности и многообразности современной прагмалингвистики. Таким образом, нынешний выпуск журнала «Слово.ру: балтийский акцент» продолжает обсуждение проблем в русле мировых тенденций развития прагмалингвистики. Он сосредоточен на ключевой точке прагмалингвистики — это синтез прагматического подхода к языку как к деятельности и лингвистического инструментария описания системности ее манифестации. В публикуемых статьях уже нет непосредственного обращения к философии языка и теории речевых актов, то есть к собственно прагматике, но есть их развитие и насыщение новыми методами. В этом мы видим синтез двух фундаментальных подходов к языку — рассмотрения его как целеполагающей деятельности и в то же время описания его как системы.

Однако есть и определенное своеобразие в предлагаемых исследованиях. Эти проблемы обсуждались на конференции «Язык — дискурс — корпус: в поисках прагматики», прошедшей в Институте языкознания РАН 6–7 сентября 2024 года. Часть докладов этой конференции публикуется в настоящем выпуске (это статьи В.З. Демьянкова, Т.Е. Янко, И.А. Шаронова, Е.В. Рахилиной и ее соавторов, С.М. Гюласарян и П.А. Бычковой, Д.О. Добровольского и Анны А. Зализняк). Прежде всего это проблема субъекта, практически не затронутая в европейской прагмалингвистике. Она может рассматриваться как основная для прагматического измерения языка, как это было предложено в (Степанов, 1981). Такое дополнение в свою очередь требует новых уточнений. Последнее время в связи с возросшей ролью компьютерных технологий в лингвистике и в других гуманитарных науках отмечается переход от антропоцентрической парадигмы (говорящий индивид как основной объект изучения) к датацентризму (в фокусе внимания обработка больших данных, отвлеченных от индивидуальных особенностей говоря-

щего). Как при этом меняется «проблема субъекта»? Одной из целей стало обсуждение современного состояния исследований по прагматике во взаимодействии с актуальными и перспективными областями лингвистики. В связи со стремительной цифровизацией языковых данных и распространением новых технологий перед лингвистикой возникают новые задачи, решение которых приводит к формированию ряда междисциплинарных направлений — корпусной прагматики, экспериментальной прагматики, когнитивной прагматики, мультимодальной лингвистики и т.д. По-новому осмысляются и традиционные вопросы лингвопрагматики: оценка, модальность, дейксис, дискурсивные слова, речевые акты и др.

В публикуемых статьях поднимается ряд фундаментальных проблем, связанных с новыми подходами к разграничению лингвистической семантики и прагматики на фоне новых направлений в области прагматических исследований отдельных классов или категорий языковых единиц, а также отдельных языковых явлений. Налицо необходимость создания новых методов изучения прагматической обусловленности или зависимости языковых процессов с привлечением больших массивов данных разных языков благодаря широким техническим возможностям, предоставляемым современной «цифровой» эпохой. Все эти вопросы исследуются на репрезентативных выборках языкового материала, источниками которых являются национальные и авторские корпуса текстов. В статьях представлены результаты исследования языковых средств эпистемической модальности, стратегий и тактик их манипулятивного воздействия на аудиторию и используемых при этом коммуникативных техник. В ходе анализа осуществляется разработка таких ключевых понятий эпистемической прагматики, как «эпистемическая модальность», «эпистемическая гарантия», «эпистемический дефолт», «эпистемическое маневрирование». Детально обсуждаются принципы создания и возможности использования базы данных «Рутикон». Эта база определяется авторами как цифровой инструмент описания рутин — класса формульных фразеологических единиц, представляющих собой реакции на стандартные. Это лишь часть проблематики, затронутой в предлагаемом выпуске.

В связи с большим интересом к тематике число статей превысило допустимый объем номера, вследствие чего редакция вынуждена была перенести ряд статей в следующий. Кроме того, некоторые материалы вышеназванной конференции готовятся к публикации в журнале «Критика и семиотика» (предположительно в первом номере за 2025 год).

*С. Т. Золян,
приглашенные соредакторы
В. В. Фещенко,
И. В. Зыкова,
О. В. Соколова*

Список литературы

Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, №4. С. 325–326.

Althaus H.P., Henne H. Sozialkompetenz und Sozialperformanz. Thesen zur Sozialkommunikation // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 1971. Bd. 38, №1. S. 1–15.

Leech G.N. Principles of pragmatics. L., 1983.

Marmaridou S. Pragmalinguistics and sociopragmatics // Foundations of pragmatics / ed. by W. Bublitz, N.R. Norrick. Berlin ; N. Y., 2011. P. 77–106. <https://doi.org/10.1515/9783110214260.77>.

New frontiers in Pragmalinguistic Studies / ed. by A. Capone, R. Graci, P. Perconti. Cham. 2024. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-65502-9>.

Pragmalinguistics: Theory and practice / ed. by J.L. Mey. The Hague, 1979.

Prucha J. Pragmalinguistics. East European approaches of pragmalinguistics. Amsterdam ; Philadelphia, 1983. <https://doi.org/10.1075/pb.iv.5>.

FROM THE EDITORS

The term *pragmalinguistics*¹ has been widely used and has a relatively long-standing tradition, already its interpretation remains quite diverse. According to the Oxford Dictionary, the term first appeared in *Althaus & Henne (1971)*, where the authors, considering various aspects of language realization through socially significant actions and communication, proposed distinguishing three new branches in linguistics: psycholinguistics, sociolinguistics, and pragmalinguistics. Their approach was based on Chomsky's distinction between competence and performance. Paradoxically, however, they did not refer to the research already developing intensively in light of speech act theory and implicature, nor did they mention Charles Morris's seminal article.

As is often the case, the subsequent development of pragmalinguistics took a trajectory radically different from what its originators had envisioned. In semiotics, the concept of pragmatics emerged as a distinct aspect of semiosis, forming a separate branch of semiotic research. In linguistics, the focus on language as a system implied that its primary object of study was syntax – the relationships between signs within the system – rather than the interaction between the subject and the sign system. In the philosophy of language, the vast potential of pragmatics was revealed in Ludwig Wittgenstein's later works. Although he did not use the term *pragmatics* in Morris's sense, his approach to meaning as use laid the foundation for the development of speech act and performativity theories. Yet even in this context, the role of linguistics remained unclear: the traditional view of language as a system was poorly aligned with its description as an instrument for performing extralinguistic – social – functions.

At the same time, theories developed within the philosophy of language and logical analysis of language – such as speech act theory, performativity, implicature, and pragmatic presuppositions – called for an analysis of the linguistic forms through which they are realized. A significant milestone in this regard was *Leech (1983)*, which introduced a distinction between pragmalinguistics and sociopragmatics. Pragmalinguistics was thought to be grammar-oriented, studying the linguistic resources available for conveying pragmatic meaning, whereas sociopragmatics was sociology-oriented, linking pragmatic meaning to interlocutor hierarchies, social rules and norms, discourse practices, and acceptable communicative behavior (Marmaridou, 2011).

However, despite its apparent clarity, this methodological distinction has proven difficult to maintain. Moreover, it has become evident that narrowing the scope of pragmalinguistics is nearly impossible: it actively incorporates methods and findings from rhetoric, stylistics, text theory, and discourse analysis. Pragmalinguistics gains particular relevance in studies on

¹ In Russian linguistics and related scholarly traditions, the term 'linguapragmatics' is also used.

language functioning in communicative contexts, allowing for the resolution of pressing issues in mass communication, public relations, media studies, speech etiquette, and critical discourse analysis.

Since the 1970s, several key monographs have shaped the field. Notably, *Pragmalinguistics* (1979), which remains relevant and was reissued in 2017, and *Prucha* (1983), which provided crucial insights into the development of pragmalinguistics in socialist countries. More recently, new challenges have emerged, as reflected in the collective monograph *New Frontiers...* (2024), published in the prestigious *Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology* series by Springer. This underscores the ongoing relevance and diversity of modern pragmalinguistics.

In this context, the current issue of *Slovo.ru: Baltic accent* continues the global discussion on pragmalinguistics. It focuses on a key point: the synthesis of the pragmatic approach to language as activity and the linguistic tools for describing the systematic nature of its manifestations. The articles presented in this issue no longer directly engage with the philosophy of language or speech act theory – i. e., with pragmatics in its strictest sense – but rather extend and enrich these frameworks with new methodologies. This issue, therefore, represents a synthesis of two fundamental perspectives on language: as goal-oriented activity and as a structured system. However, this volume also presents a unique perspective on this field of research. The topics were discussed at the conference *Language – Discourse – Corpus: In Search of Pragmatics*, held at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences on September 6–7, 2024. Some of the conference papers are included in this volume, featuring contributions by V. Z. Demyankov, T. E. Yanko, I. A. Sharonova, E. V. Rakhilina and co-authors, S. M. Gyulasaryan and P. A. Bychkova, D. O. Dobrovolskij and Anna A. Zalizniak.

One of the key themes explored is the problem of the subject, which remains largely unaddressed in European pragmalinguistics. It can be considered fundamental to the pragmatic dimension of language, as proposed in Stepanov (1981), and its inclusion necessitates further refinements. Recently, with the increasing role of computational technologies in linguistics and the humanities, there has been a shift from an anthropocentric paradigm (where the speaker is the primary object of study) to a data-centric approach (focused on processing large datasets independent of the speaker's individual characteristics). This raises important questions: How does this transformation affect the 'problem of the subject'? How can contemporary pragmatic research engage with emerging and future linguistic fields?

With the rapid digitization of linguistic data and the proliferation of new technologies, linguistics faces new challenges, leading to the formation of interdisciplinary fields such as corpus pragmatics, experimental pragmatics, cognitive pragmatics, and multimodal linguistics. Traditional topics in linguistic pragmatics – evaluation, modality, deixis, discourse markers, and speech acts – are being reconsidered in this new light. The articles in this issue address several fundamental questions, including novel approaches to distinguishing linguistic semantics from pragmatics and emerging directions in pragmatic studies of specific linguistic categories and phenomena. The

need for new methodologies to examine the pragmatic conditioning of linguistic processes is evident, particularly with the vast amounts of multilingual data now available through modern digital resources. These studies are conducted using representative linguistic corpora, including national and author-specific text corpora. The contributions explore epistemic modality, strategies and tactics of manipulative influence on audiences, and the communicative techniques employed in these processes. The analysis also develops key concepts in epistemic pragmatics, such as epistemic modality, epistemic warrants, epistemic default, and epistemic maneuvering. A detailed discussion is dedicated to the design and application of the *Routicon* database – a digital tool for describing ‘routines’, a class of formulaic phraseological units that serve as standardized responses.

These articles represent only a fraction of the themes covered in this issue. Due to significant interest in the subject, the number of submissions exceeded the permissible volume, leading the editorial board to move several articles to the next issue of the journal. Additionally, some materials from the aforementioned conference are being prepared for publication in *Kritika i Semiotics*, scheduled for the first issue of 2025.

Suren T. Zolyan

Guest editors:

Vladimir V. Feshchenko

Irina V. Zykova

Olga V. Sokolova

References

Althaus, H.P. and Henne, H., 1971. Sozialkompetenz und Sozialperformanz. Thesen zur Sozialkommunikation. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, Bd. 38 (1), S. 1–15.

Capone, A., Graci, R. and Perconti, P., eds., 2024. *New frontiers in Pragmalinguistic Studies*. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-65502-9>.

Leech, G.N., 1983. *Principles of pragmatics*. London.

Marmaridou, S., 2011. Pragmalinguistics and sociopragmatics. In: W. Bublitz and N.R. Norrick, eds. *Foundations of pragmatics*. Berlin; New York, pp. 77–106, <https://doi.org/10.1515/9783110214260.77>.

Mey, J.L., ed., 1979. *Pragmalinguistics: Theory and practice*. The Hague.

Prucha, J., 1983. *Pragmalinguistics. East European approaches of pragmalinguistics*. Amsterdam; Philadelphia, <https://doi.org/10.1075/pb.iv.5>.

Stepanov, Yu.S., 1981. In search of pragmatics (the problem of the subject). *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series], 40 (4), pp. 325–326 (in Russ.).